Содержание

Илья Виницкий. Граф Хвостов и граф де Местр: Гео-филологические фантазии в эпоху наполеоновских войн 91

Арина Косарева. Об одном французском источнике «Скучной истории» А. П. Чехова 127

Александра Пахомова. Стратегии репрезентации литературной группы (на примере объединения эмоционалистов) 134

Виктор Димитриев. Литературный контекст повести Юрия Фельзена «Обман» 152

Инна Носкова. О версификационной идентичности поэмы Э. А. По «Ворон» в переводе Г. В. Голохвастова 171

Александр Гришин. «О каждом из нас заботится Сталин в Кремле»: От стихотворения Михалкова к плакату Говоркова 181

Редакция:
А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (ответственный редактор),
О. В. Макаревич, А. А. Чабан

Адрес редакции:
191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

Тираж 500 экз.

ISSN 2587-8190

2017 XIII (2)

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА
ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Летняя школа по русской литературе

международная летняя школа
по русской литературе

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виницкий (Филадельфия, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

http://schoolsummer.jimdo.com
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
№ ПИ № ФС 77 - 63198 от 1 октября 2015 года
Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186
ISSN 2587-8190 = Letnââ škola
Сдано в печать 4 декабря 2017 года

© Авторы статей, 2017
© «Летняя школа по русской литературе», 2017

С 30 ноября 2017 года включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Информация об авторах

Илья Виницкий, доктор филологических наук, профессор Принстонского университета, Принстон, США
ivinitsk@gmail.com

Арина Косарева, студентка национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия
arianakosareva@gmail.com

Александра Пахомова, докторант Тартуского университета, Тарту, Эстония
aleks.pakhomova@gmail.com

Виктор Димитриев, аспирант Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия
ganthenbein@gmail.com

Инна Носкова, студентка Северо-Кавказского Федерального университета, Ставрополь, Россия
noskova.inna@mail.ru

Александр Гришин, лаборант факультета истории искусств Европейского университета, Санкт-Петербург, Россия
a.i.grischin@gmail.com

Александра Пахомова
(Тарту)

СТРАТЕГИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ГРУППЫ

(на примере объединения эмоционалистов)

В статье анализируются стратегии репрезентации, к которым прибегало литературное объединение эмоционалистов, чтобы стать полноправным агентом литературного поля. Особое внимание уделяется внутренним противоречиям выбранных стратегий, не позволившим эмоционалистам стать заметным литературным явлением.

Ключевые слова: М. А. Кузмин, эмоционалисты, литературные объединения, социология литературы, поле литературы.

The article analyzes strategies of representation by literary community of emotionalists designed to make it a full participant of literary field. Special attention will be payed to internal contradicitions of accepted strategies that did not let the emotionalists turn into a notable literary phenomenon.

Key words: M. A. Kuzmin, the Emotionalists, literary unions, sociology of literature, the literary field.

1

В начале 1920-х годов в Петрограде существовало объединение эмоционалистов — одна из многочисленных литературно-художественных групп, расцвет которых пришелся на первое пореволюционное пятилетие.

Круг деятелей искусства, вошедших в это объединение, сложился к началу 1920-х годов и оформился в 1922 году.[1] С декабря 1921-го по февраль 1923 года вышло четыре издания эмоционалистов — один номер альманаха «Часы» и три номера альманаха «Абраксас». Под «Декларацией

[1] Здесь и далее фактическая информация об эмоционалистах приводится по: *Никольская Т. Л.* Эмоционалисты // Russian Literature. 1986. Т. 20. № I. С. 61–70; *Тимофеев А. Г.* Вокруг альманаха «Абраксас» // Русская литература. 1997. № 4. С. 190–205.

эмоционализма» (вошедшей в третий номер «Абраксаса») подписались Михаил Кузмин, Анна и Сергей Радловы, Юрий Юркун. В разное время к эмоционалистам были близки Константин Вагинов, Борис Папаригопуло, Владимир Дмитриев, Адриан Пиотровский, Орест Тизенгаузен, Ольга Зив и др.

Объединение эмоционалистов рассматривалось преимущественно в контексте жизни и творчества Михаила Кузмина — как неудачная попытка известного автора создать собственный круг единомышленников и учеников, став главой нового литературного течения.[1] При всей справедливости подобных утверждений все же нельзя обойти вниманием тот факт, что кружок эмоционалистов существовал в литературном мире Петрограда-Ленинграда почти пять лет, являясь полноправным участником литературного процесса — только авторитет создателя группы не мог обеспечить столь долгое ее существование.

В настоящей статье мы предлагаем отказаться от понимания литературной группы как явления, существующего per se, и попытаемся рассмотреть литературное объединение в процессе конструирования своего образа и попытки легитимации в поле литературы. С этой точки зрения литературная группа лишается определенной установленной репутации[2] (для объединения эмоционалистов это репутация «малозаметной» группы[3]) и статуса в историко-литературном

---

[1] Такой подход характерен для биографов Кузмина: *Богомолов Н. А.*, *Малмстад Дж. Э.* Михаил Кузмин. М., 2013. Наиболее последовательно программа эмоционализма в ее отношении к творческой практике Кузмина исследована в работах И. Н. Шатовой, прежде всего в ее диссертации: *Шатова И. Н.* М. Кузмин и русский эмоционализм 1920-х годов (проблема преодоления кризиса искусства): Дисс. ... канд. филол. наук. Симферополь, 2000.

[2] См. классическую работу И. Н. Розанова о литературных репутациях: *Розанов И. Н.* Литературные репутации. Работы разных лет. М., 1990; а также работу, посвященную репутации Кузмина: *Богомолов Н. А.* Литературная репутация и эпоха // Богомолов Н. А. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М., 1995. С. 57–66.

[3] Так, Г. А. Морев называет эмоционализм «неудачной попыткой организационного оформления русского экспрессионизма» (*Морев Г. А.* Казус Кузмина // Кузмин М. Дневник 1934 года / Ред., вступ. ст. и прим. Г. А. Морева. СПб., 2011. С. 15).

процессе и становится суммой стратегий репрезентации, которые создаются и меняются в процессе существования объединения, помогая ему заявить о себе и встроиться в текущий литературный процесс в качестве легитимного актора. К «стратегиям репрезентации» мы относим любые формы публичной активности, направленные на формирование целостного образа группы и ее положения в поле современной ей литературы,[1] как то: издание альманаха, публикацию манифестов и воззваний, критическую деятельность эмоционалистов, их литературную позицию, выступления (вечера, чтения стихотворений), работу в театре. Каждая из обозначенных стратегий преследует определенную цель; в сумме эти стратегии должны придать группе достаточный авторитет,[2] чтобы сделать ее полноценным участником литературного процесса. Разумеется, попытка занять определенное место в литературном поле может оказаться для авторов неудачной. Одновременно способы публичного позиционирования нескольких авторов как «группы» направлены не только вовне, но и вовнутрь этой группы, обеспечивая (и конструируя) ее единство. Литературное объединение может выступать более значимой единицей литературного поля и облегчить вхождение в литературу молодым и неизвестным авторам — культурная ситуация 1920-х годов изобилует примерами групп, из которых впоследствии вышли отдельные талантливые писатели (имажинисты, «Серапионовы братья» и т. д.), что позволяет говорить об универсальности группового способа легитимации в условиях того времени.

В конечном итоге репрезентация объединения формирует тот публичный образ группы, который воспринимают современники, отражает пресса и который затем закрепляется в истории литературы. Попытке понять, какие механизмы и факторы определили образ эмоционалистов и почему

---

[1] Здесь и далее мы применяем теорию литературного поля П. Бурдье (см.: *Бурдье П.* Поле литературы / Пер. с фр. М. Гронаса // Бурдье П. Социальное пространство: Поля и практики. СПб., 2005. С. 365–473).

[2] О трех типах культурной легитимности (легитимность популярности, специфическая легитимность, буржуазная легитимность) см.: *Бурдье П.* Рынок символической продукции // Вопросы социологии. 1993. № 1 (2). С. 49–62.

объединение, имея все шансы стать заметным литературным явлением, снискало репутацию «неудачной» группы, и посвящена настоящая работа.

2

Первый факт, который обращает на себя внимание при обращении к деятельности эмоционалистов, — стремление их «закрепиться» в разных областях художественного творчества. С самого начала эмоционализм был шире, чем явление только литературное.

Основные положения, получившие впоследствии развитие в «Декларации эмоционализма», Кузмин сформулировал в рецензии на выставку картин в Академии художеств (конец 1922 года): «Эмоциональное, свое, единственное, неповторимое восприятие, овеществленное через соответствующую форму для произведения эмоционального же действия, — вот задача искусства. Движет к искусству — любовь».[1] Параллельно рецензии создается «Декларация эмоционализма»,[2] в которой мы находим дословные переклички с рецензией: «Побуждает к творчеству — *активная*, неотвлеченная *любовь*, которая не может не быть творчеством».[3]

Однако «изобразительная» деятельность объединения в то время не получила развития. Выпуск альманахов, поддерживаемый публичными выступлениями, ознаменовал поворот

---

[1] *Кузмин М. А.* Эмоциональность и фактура // Кузмин М. А. Проза и эссеистика: В 3 т. / Сост., подг. текстов и комм. Е. Г. Домогацкой, Е. А. Певак. М., 2000. Т. 3: Эссеистика. Критика. С. 623–624 (впервые: Жизнь искусства. 1922. № 51 (874). 26 дек. С. 1).

[2] Рецензия вышла в декабре 1922 года, к этому же времени относятся упоминания о создании «манифеста» в дневнике Кузмина: «20 декабря. Ужасный какой-то день. Я нервен до последней степени. Ничего не выходило. <...> На Думской ничего не достал, видел <...> Тинякова, который имел наглость говорить о своих стихах и „Абраксасе“. Только вкатился с опозданием домой, как Юр. <Юркун. — *А. П.*> стал меня мучить манифестом и предполагаемой статьей. Объяснялись даже до слез» (*Кузмин М. А.* Дневник XII (6 мая 1922 — 5 января 1923) // РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 60. Подготовленные к печати материалы Дневника за 1922 год были любезно предоставлены нам Н. А. Богомоловым).

[3] *Кузмин М., Радлова А., Радлов С., Юркун Ю.* Декларация эмоционализма // Русский экспрессионизм: Теория. Практика. Критика / Сост. В. Н. Терехина. М., 2002. С. 270 (впервые: Абраксас. [Пг.], 1923. Сб. 3. С. 3).

эмоционалистов к литературной деятельности, в которой изначально присутствовал повышенный интерес к театру: во втором выпуске «Абраксаса» была опубликована пьеса Сергея Радлова «Убийство Арчи Брейтона», а в третьем — написанная им же статья «Советы драматургу». С самого начала выступления эмоционалистов были связаны преимущественно с театром — как например, участие в Первом вечере современной драматургии в Институте истории искусств, на котором происходило «режиссированное чтение» (режиссер — С. Э. Радлов) пьес М. Кузмина «Вторник Мэри» и Анны Радловой «Богородицын корабль».

Третий выпуск альманаха «Абраксас», вышедший в феврале 1923 года, подвергся нападкам цензуры, в результате которых из него были изъяты произведения Радловой и Пиотровского.[1] Столкновение с цензурой приостановило издание печатного органа объединения: с этого времени начинается переход Кузмина и эмоционалистов к другим формам творчества, прежде всего к театру. На период театральной деятельности (февраль 1923 — весна 1924 годов) выпадает время наибольшей популярности и активности группы.

В начале марта в Институте истории искусств состоялся вечер, посвященный немецкому экспрессионизму, докладчиками на котором, в числе прочих, были Пиотровский и сам Кузмин, провозгласивший близость эмоционализма к экспрессионизму: «Многие черты его <экспрессионизма. — *А. П.*> близки только что оформленному у нас направлению эмоционалистов, от лица которых прочел приветствие М. Кузмин, один из главарей этого течения. В ярких и сжатых словах поэт приветствовал экспрессионистов как предвестников художественной и политической славы Германии».[2]

Провозглашенные Кузминым положения были тут же поддержаны выходом второго программного документа объединения — «Приветствия художникам молодой Германии от

---

[1] *Кузмин М.* Дневник XIII (6 января 1923 — 17 февраля 1924) // РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 42.

[2] *Аристарх [Сторицын П. И.]* За культуру молодой Германии: (В Институте Истории Искусств) // Последние новости. 1923. № 10 (32). 5 марта. С. 3. См. также: *Тимофеев А. Г.* Вокруг альманаха «Абраксас». С. 203.

группы эмоционалистов».[1] Появление этого текста означало не только поворот группы к другим формам деятельности, активную манифестацию и закрепление основных положений «Декларации эмоционализма», но и открытое объявление творческих ориентиров объединения, демонстрацию его прямой связи с современными зарубежными художественными направлениями.

Растущая популярность эмоционалистов и планы других проектов отражены в Дневнике Кузмина:

> 16 апреля
> Был Нельдихен,[2] просится в эмоционалисты, но <боится?> Радловой.[3]

> 21 апреля
> Приехал Мейерхольд, говорят, не очень свирепствует. Нужно бы от эмоционалистов приветствие.[4]

Первый публичный вечер поэтов-эмоционалистов состоялся 15 апреля 1923 года.[5] Ему предшествовал доклад Кузмина, обосновывающий положения нового направления.[6] Вскоре вышла статья Петра Сторицына, близкого друга Кузмина, ставшего постоянным хроникером деятельности эмоционалистов. В статье описан состав группы — то состояние, в котором она пребывала на данном этапе своего существования, — и ее творческие планы, которые не ограничивались только литературой и театром: «Читались стихи К. Вагинова, М. Кузмина, А. Пиотровского и Анны Радловой и прозаические отрывки Вагинова же, Папаригопуло

---

[1] *Кузмин М. и др.* «Приветствие художникам молодой Германии от группы эмоционалистов» // Жизнь искусства. 1923. № 10 (885). 13 марта. С. 8. Автор «Приветствия» — Кузмин, «согласно авторскому списку произведений, где оно фигурирует под названием „Письмо немцам“, — ИРЛИ. Ф. 172. Ед. хр. 319. Л. 110» (*Тимофеев А. Г.* Вокруг альманаха «Абраксас». С. 203).

[2] С. Е. Нельдихен (1891–1942) — поэт, участник третьего «Цеха поэтов», один из авторов «Абраксаса».

[3] *Кузмин М.* Дневник XIII. Л. 102.

[4] Там же. Л. 106 об.

[5] Анонс см.: Красная газета (веч. вып.). 1923. 13 апр.

[6] А. Г. Тимофеев высказывает предположение, что статья Кузмина «Эмоциональность как основной элемент искусства» была прочитана в качестве этого доклада (см.: *Тимофеев А. Г.* Вокруг альманаха «Абраксас». С. 203).

и Юр. Юркуна. Двое из инициативной группы эмоционалистов, Сергей Радлов и художник В. Дмитриев, в данном вечере не выступали. Проектируется группой художников, примкнувших к эмоционализму, устроить самостоятельную выставку».[1]

Растущая популярность эмоционализма не была поддержана выходом новых литературных произведений. Было осуществлено другое масштабное предприятие — театральная постановка пьесы немецкого писателя-экспрессиониста Э. Толлера «Эуген Несчастный», премьера которой состоялась 15 декабря 1923 года.[2]

Пьеса в переводе Пиотровского вышла отдельным изданием летом того же года.[3] Замысел постановки, а также идея привлечь к работе соратников по эмоционализму, возникла у Сергея Радлова в августе:

> Меня очень занимает «Эуген Несч<астный>». Мне кажется, что это может выйти интересная постановка, забавно задумывается — покажу, всем на ужас, Берлин педерастический и лесбийский. Дмитриев, думаю, с этой штукой справится. Вот. Поговори с Кузминым, скажи ему, что я прошу его взяться за музыку к Эугену — лучше не придумывает никто! — пусть он почитает и подумает вперед, до моего приезда.[4]

В создании пьесы принимали участие Радлов, Дмитриев и Пиотровский — участники объединения эмоционалистов, позднее к ним присоединится и сам Кузмин — автор музыки к драме. Окончательный список создателей постановки на афишах выглядел так: «Трагедия в 4х действиях Эрнста Толлера, перевод Адриана Пиотровского. Декорации и костюмы художника В. В. Дмитриева. Музыка М. А. Кузмина. Постановка режиссера С. Э. Радлова. Хореографическая часть Баланчивадзе.

---

[1] *Аристарх [Сторицын П. И.]* Эмоционализм // Последние новости. 1923. № 18 (40). 30 апр. С. 4.

[2] Хроника // Жизнь искусства. 1923. № 49 (922). 11 дек. С. 28.

[3] «Эрнст Толлер. „Эуген Несчастный“. Трагедия в трех действиях. Перевод и вступительная статья Адриана Пиотровского. Рабочее кооперативное издательство „Прибой“. Птгр. 1923 г.» (Новые книги и журналы // Жизнь искусства. 1923. № 30 (903). 31 июля. С. 28).

[4] *Радлов С.* Письмо А. Радловой от 6 августа 1923 года. Цит. по: *Куранда Е. Л.* М. Кузмин и его круг в архиве Радловых в ОР РНБ // Михаил Кузмин. Литературная судьба и художественная среда / Под ред. П. В. Дмитриева и А. В. Лаврова. СПб., 2015. С. 234.

Капельмейстер Макс Купер. Хор Петроградской Консерватории. Время действия 1921 год. Место действия — Германия».[1]

Постановка произвела фурор в театральном мире Петрограда. Петр Сторицын не преминул связать успешную постановку пьесы с деятельностью «лоббируемой» им группы: «В постановке принимала участие русская группа „эмоционалистов“, близкая экспрессионистам. По крайней мере, имена С. Радлова (режиссер), Адр. Пиотровского (переводчик), В. Дмитриева (художник) и М. Кузмина (музыка) — мы уже читали подписанными под приветствием, посланным художникам молодой Германии».[2] Он же указал на связь некоторых особенностей постановки с принципами, провозглашенными в «Декларации эмоционализма»: так, музыка должна была вызывать у зрителей «эмоциональный подъем», а основным достоинством постановки Радлова объявлялась попытка «академических театров по-настоящему освежиться не прививкой к вещам классическим новаторских приемов режиссуры, а серьезной и вполне современной постановкой значительной и вполне современной пьесы».[3]

Успех «Эугена Несчастного» подтверждает частота его постановок на сцене театра: в сезоне 1923/1924 годов спектакль шел минимум дважды в неделю. Ввиду большого успеха его было решено продолжить в сезоне 1924/1925 годов.[4]

Последний виток истории «Абраксаса» и объединения эмоционалистов относится к лету 1924 года, когда альманах был окончательно запрещен цензурой «за литературную непонятность и крайности».[5]

В театральный сезон 1924–1925 годов продолжал идти «Эуген Несчастный», Радлов и Пиотровский готовили к постановке пьесу другого участника объединения и одного из авторов «Абраксаса» Бориса Папаригопуло «Американские боги»,[6] однако никаких намеков на то, что эти постановки и публикации выходили под эгидой эмоционализма, нет.

---

[1] Хроника // Жизнь искусства. № 49 (922). 11 дек. С. 28.

[2] *Сторицын П.* «Эуген Несчастный» (б. Михайловский театр) // Последние новости. 1923. № 54 (76). 17 дек. С. 4.

[3] Там же. С. 4.

[4] Хроника // Жизнь искусства. 1924. № 23 (997). 3 июня. С. 22.

[5] Цит. по: *Тимофеев А. Г.* Вокруг альманаха «Абраксас». С. 194.

[6] Хроника // Жизнь искусства. 1924. № 37 (1010). 9 сент. С. 32.

Финальным аккордом деятельности объединения можно считать неожиданный и, вероятно, единственный «вечер поэтов-эмоционалистов», организованный под маркой Союза поэтов в мае 1925 года: «Союз устраивает еженедельные открытые собрания (по пятницам в помещении Союза Писателей, Фонтанка 50); в программе ближайших вечеров намечены: <...> вечер поэтов-эмоционалистов (М. Кузмин, А. Пиотровский и др.)».[1]

Личные контакты в кругу Кузмина сохранялись до 1930-х годов: до смерти Вагинова (1934) и Кузмина (1936), ареста и расстрела Юркуна (1938). В дневниках Кузмина за 1929, 1931, 1934 годы находим все те же упоминания о постоянных встречах с Радловыми, частных визитах Вагинова, Пиотровского и других. Очевидно, что круг Кузмина не распался, просто перестал выходить на публику и заявлять о себе как о литературной группе.

Краткий очерк деятельности эмоционалистов можно представить не только как историю группы, но и как совокупность разных стратегий ее репрезентации, выбор и динамика которых повлияли на репутацию объединения и определили его место в поле литературы.

3

Объединение эмоционалистов вступает в литературу не под этим названием — с момента оформления круга авторов будущего альманаха до провозглашения ими названия группы и ее творческих ориентиров прошел почти год. На рубеже 1921–1922 годов вышел альманах «Часы», в котором были опубликованы как произведения будущих эмоционалистов (Кузмина, Радловой, Юркуна, Папаригопуло), так и авторов, впоследствии не участвовавших в «Абраксасе».[2] Из первых двух номеров «Абраксаса» (октябрь–ноябрь 1922 года) также не ясно, что альманах выпускает литературное объедине-

---

[1] Хроника // Жизнь искусства. 1925. № 19 (1046). 12 мая. С. 22.

[2] Впоследствии Кузмин упоминал «Часы» как одно из предприятий эмоционализма: «Последние годы группа друзей и единомышленников объединилась под названием „эмоционалисты“ и мы издали альманах „Часы“ и три выпуска „Абраксаса“» (*Кузмин М.* Автобиография. Цит по: *Никольская Т. Л.* Эмоционалисты. С. 61).

ние (в первом номере вышел манифест другого творческого направления — «Декларация форм-либризма», написанная Орестом Тизенгаузеном). Выступающих в альманахе авторов не воспринимали как литературную группу: один из рецензентов назвал круг авторов, напечатанных в альманахе, «абраксистами», а не «эмоционалистами»[1] (по-видимому, даже Кузмин не употреблял активно это название — в дневниковой записи от 25 ноября 1922 года читаем: «За чаем было 13 чел: абраксасцы, Покровские,[2] Комаровская,[3] Пиотровский...»[4]).

На то, что альманах выпускает группа людей, связанная творческими и личными отношениями, указывали система посвящений друг другу, состав авторов двух номеров, а также редакционной коллегии («Под редакцией Ореста Тизенгаузена и при ближайшем участии М. Кузмина и Анны Радловой» (№ 1), «Редакционная коллегия: М. Кузмин и Анна Радлова» (№ 2), «Под редакцией М. Кузмина и А. Радловой» (№ 3)).

Эмоционалистам нужно было продекларировать свою сплоченность. Впервые круг выступивших в альманахе авторов как группу определил Адриан Пиотровский в рецензии на первый выпуск «Абраксаса» (напомним, в то время слово «эмоционализм» еще не было произнесено): «В целом сборник, явившийся органом группы сплоченной и ценной, значителен и любопытен».[5] Позднее эта роль перешла Петру Сторицыну, который выступал не только как хроникер группы, но и сам «создавал» ее как таковую — возможно, без постоянных напоминаний критика о существовании эмоционалистов никто просто бы не связал разрозненные и несистематические выступления с деятельностью нового литературного объединения.

---

[1] *Книгочий.* [Рец. на:] Абраксас. Ноябрь 1922, Пгр., 26 с. // Записки передвижного театра П. П. Гайдебурова и Н. Ф. Скарской. Пг., 1923. № 47. 23 янв.

[2] Корнелий (Корнилий) Павлович Покровский (1891–1938) — знакомый Кузмина, близкий друг Радловых, адресат стихотворения Кузмина «Лазарь». Владимир Павлович Покровский (1893–1973) — брат К. П. Покровского, близкий друг Кузмина и Радловых, адресат стихотворения Радловой «С Запада приезжают люди...».

[3] Надежда Ивановна Комаровская (1885–1969) — актриса.

[4] *Кузмин М. А.* Дневник XII.

[5] *А. П. [Пиотровский А.]* [Рец. на:] Абраксас. Сборник 1-й. Петербург, 1922 г. // Жизнь искусства. 1922. № 47 (870). 28 нояб. С. 7.

Нетрудно увидеть, что о группе писали, в отсутствие рефлексии «извне», преимущественно ее участники и их близкие друзья. Упомянутый выше Петр Сторицын, автор полушутливой критической статьи о эмоционалистах (в которой также подчеркивалась преемственность объединения немецкому экспрессионизму)[1] Александр Беленсон,[2] Адриан Пиотровский, наконец, сам Кузмин — именно с помощью их благожелательных отзывов и искусственно созданного интереса эмоционалисты стали восприниматься как часть литературного процесса. Таким образом поддерживался «семейственный» характер объединения, которое изначально было группой жизненно близких к Кузмину людей. Кузмин писал о своем круге как о «семействе», подчеркивая тот факт, что, несмотря на издание альманаха, дружеские отношения в редакции «Абраксаса» были преобладающими:

> 24 ноября 1922 года
> ...Семейство наше увеличилось Скрыдловым;[3] так можно, не разрывая связей, размножиться до беспредельности...[4]

Тесные (в том числе родственные) отношения между эмоционалистами также стали объектом критики. Так, положительный отзыв на лирику Ольги Зив, принадлежащий перу ее мужа Ореста Тизенгаузена, был встречен насмешкой рецензента: «И очень жаль, что Орест Тизенгаузен в статье „Салоны и молодые заседатели петербургского Парнаса“ неумеренно и неосновательно рекламирует Ольгу Зив, попутно „топя“ Ахматову и Полонскую... Вообще эта статья, принадлежащая к категории т<ак> наз<ываемой> „семейной критики“, сплошной курьез: медвежьи услуги, медвежьи выпады и остроумие...»[5] Состав объединения обыгрывался в такой, например, пародии на стихотворения Анны Радловой, в которой сделан

---

[1] *Беленсон А.* Фрагменты // Жизнь искусства. 1923. № 13 (888). 2 апр. С. 3–4.

[2] Александр Эммануилович Беленсон (1890–1949) — поэт, редактор и издатель альманаха «Стрелец», в трех номерах которого появились произведения Кузмина; человек, близкий к кругу Кузмина.

[3] Алексей Николаевич Мишагин-Скрыдлов — композитор, автор и исполнитель романсов.

[4] *Кузмин М. А.* Дневник XII.

[5] *Оксенов И.* Литературный дневник. 2. «Абраксас» // Литературная неделя: Приложение к газете «Петроградская правда». 1922. № 24. С. 7.

намек на своеобразный поэтический стиль автора и участие ее в группе эмоционалистов вместе с Борисом Папаригопуло:

Анна Радлова («Крылатый вождь»)
О конях, цокающих по голубому небу,
О ненаглядной плоти своей,
О стадах простоволосых лебедей,
Скучающих по простому пеклеванному хлебу,
Я пою, взываю, реку и глаголю торжественно сидя на судне,
Плыву, одетая по моде,
И сочетаю единственную, непревзойденную в русской поэзии строку длинную от потолка до пола,
Со строкой короткой — вроде:
Папаригопуло.[1]

Личные связи между членами объединения отсылали к практике литературных салонов[2] — этот образ, очевидно, сознательно поддерживался также выпуском именно альманаха как органа группы.[3] Как форма «салона» вызывала в памяти образцы начала XX века и более ранние, так и выпуск «традиционного» альманаха отсылал к пушкинскому времени, а публикация манифестов — к дореволюционной литературной жизни. На этапе становления объединения доминирующей стратегией было представление его как «кружка», «салона», открытого для деятелей разных искусств — такая стратегия, очевидно, была направлена на писателей, чье становление пришлось на начало 1910-х годов и которым подобная форма литературной жизни была более знакома, чем участие в союзах и организациях.

Однако камерность объединения вступала в противоречие с тем статусом, которого добивалась группа эмоционалистов. С точки зрения Кузмина, эмоционализм был не кружком или

---

[1] *Геркен Е.* Пародии на стихи современных поэтов // Записки передвижного театра П. П. Гайдебурова и Н. Ф. Скарской. Пг., 1923. № 68. 4 дек. С. 4.

[2] См. отрывок из рецензии Иннокентия Оксенова на второй выпуск «Абраксаса»: «В литературе нашей начинает, наконец, угасать недобрая старая традиция эстетских салонов — „Абраксас“ стремится эту традицию возродить» (*Оксенов И.* Литературный дневник. 2. «Абраксас». С. 7).

[3] В. Э. Вацуро подчеркивает переходный характер среды, создающей альманах: «Альманаху нужен был узкий дружеский кружок, уже переставший быть салоном и еще не ставший редакцией» (*Вацуро В. Э.* «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978. С. 251).

салоном, а *направлением*, неким общим творческим ориентиром, который подспудно выводился из творческой практики как самого Кузмина, так и писателей его круга.

Характерно, что в программных документах эмоционализм всегда упоминается без какого-либо определения, что подчеркивает его стремление превратиться в направление, художественный (и возможно, жизненный) принцип: «Изжив и переварив все чувства, мысли старого Запада (Франции, Англии, Италии) <...> эмоционализм — струя которого ширится по России, Германии и Америке...»;[1] Сторицын в многочисленных хвалебных статьях также называет эмоционализм «направлением»: «...направление, во всяком случае, широкое и, по-видимому, жизненное».[2]

Ориентацию на массового читателя и привлечение новых участников в объединение можно проследить также на уровне публичной презентации альманаха эмоционалистов. В конце сентября 1922 года в печати появляются первые анонсы и реклама нового сборника.[3] Реклама альманаха, помещенная в «Вечерней красной газете» (одном из наиболее многотиражных изданий Петрограда), была выполнена с большим изяществом и выделялась на общем фоне других объявлений и анонсов. Среди немногочисленных реакций на выход «Абраксаса» можно обнаружить два отклика в провинциальной прессе,[4] что говорит о том, что альманах был как минимум известен за пределами Петрограда.

Тем не менее, при всех своих амбициях, выпуске Деклараций и активной саморекламе эмоционализм не смог стать направлением, т. е. не разработал общих идейно-эстетических принципов для входящих в него писателей. Творческие установки, выдвинутые организаторами эмоционализма, не стали обязательными даже для участников группы, не были заимствованы другими литераторами и — в конечном итоге — не

---

[1] *Кузмин М., Радлова А., Радлов С., Юркун Юр.* Декларация эмоционализма. С. 270.

[2] *Аристарх [Сторицын П. И.]* Эмоционализм. С. 4.

[3] Красная газета. 1922. № 218 (1369). 27 сент. С. 7; то же: Анонс // Вечерняя красная газета. 1922. № 3. 28 сент. С. 4.

[4] Анонс // Корабль (Калуга). 1923. № 1/2. С. 49; *[Б. п.]* Абракадабра и весна // Силуэты (Одесса). 1923. № 3. Январь. С. 8.

привели к волне эпигонства и подражательства, что указывало бы на усвоение этих принципов начинающими авторами (любопытно, что случай подражательства все-таки был. См. запись Кузмина от 20 октября 1922 года: «...Забегал Орест <Тизенгаузен. — *А. П.*>. Накатал массу стихотворений под меня и Радлову. Юр. их разбранил...»,[1] однако даже в этом случае влияние «образцов» не выходит за рамки дружеского круга).

Можно увидеть отчетливое противоречие между практиками репрезентации объединения: культивируя интимную, дружескую атмосферу, создавая образ кружка для «своих», эмоционализм одновременно претендовал на статус направления, масштабного творческого метода, выходящего за рамки творческой практики только его адептов. Неудачной оказалась и другая стратегия: практика создания кружков шла вразрез с магистральным направлением эпохи — организацией союзов и официальных собраний (можно отметить, что в начале 1920-х годов начинает вновь создаваться Ленинградское отделение Всероссийского союза поэтов), и потому неизбежно должна была казаться молодым поэтам старомодной, даже архаичной, непривлекательной для участия. Парадоксально, что стремление эмоционалистов быть проводниками современного искусства («Не существует ни прошедшего, ни будущего вне зависимости от нашего, всеми силами духа эмоционально воспринимаемого, священнейшего настоящего, на которое и направляется искусство»[2]) также вступало в противоречие с выбранной ими формой существования группы, а также ориентацией на классическую традицию, явственно ощутимую в произведениях, опубликованных в «Абраксасе».

Таким образом, выбранные участниками группы стратегии репрезентации и позиционирования себя в литературном поле не привели к успеху. Во многом это было обусловлено внутренними противоречиями между действительным статусом объединения (которое не смогло — и не пыталось — выйти за рамки кружка близких людей) и той ролью, на

---

[1] *Кузмин М. А.* Дневник XII.

[2] *Кузмин М., Радлова А., Радлов С., Юркун Юр.* Декларация эмоционализма. С. 270.

которую оно претендовало (направления, полноценного творческого метода). Помимо этого, эмоционалисты не учитывали изменившуюся историко-литературную ситуацию начала 1920-х годов, в которой существование группы, скрепленной только личными отношениями, было почти невозможным. Вследствие этих противоречий публичный образ группы был размытым (определенную роль в этом сыграла ориентация эмоционалистов одновременно на литературу, живопись и театр — и отсутствие каких-то существенных достижений во всех областях, кроме последней), ее место в текущем литературном процессе оставалось неустойчивым. Поэтому можно, вслед за Г. А. Моревым, говорить о *неудачной попытке* создания эмоционализма. Мы не склонны видеть в этом ошибку Кузмина, решившего «привить» свой творческий метод ученикам и почитателям, и считаем, что эмоционализм не смог стать полноценным литературным объединением вследствие неверно выбранных стратегий репрезентации, которые или вступали в противоречие друг с другом (что раскрывалось в ходе деятельности объединения), или были несвоевременны и не снискали поддержки и одобрения у публики.

Эмоционалистам не удалось добиться легитимации в литературном поле. Такое положение может казаться парадоксальным при обращении к «исходным данным»: известный автор и талантливый режиссер во главе объединения, набирающие популярность молодые писатели среди его участников, налаженные связи и возможности, позволяющие и издавать альманах, и публиковаться в прессе, и выходить на театральную сцену (иными словами, достаточное количество социального, культурного и экономического капиталов)[1] не смогли упрочить репутацию группы. Можно сделать осторожный вывод о том, что легитимация в литературном поле зависит не столько от конфигурации капиталов, сколько от преобладающей роли одного из них — символического, который в итоге и создает репутацию агента культурного поля. Выбранные эмоционалистами стратегии репрезентации

[1] О конфигурации капиталов см.: *Бурдье П.* Производство веры. Вклад в экономику символических благ // Бурдье П. Социальное пространство: Поля и практики. С. 178–272.

не смогли обеспечить ее достаточным авторитетом в публичном пространстве (вопрос об изменении «публичного пространства» и соотношении с ним литературы в первые пореволюционные годы нуждается в отдельном рассмотрении). С другой стороны, позиция группы была неустойчива (дружеский кружок на некоторое время «оформился» как объединение, но затем снова вернулся в статус дружеского кружка) и не подкреплена официально,[1] потому объединение не могло саморегулироваться и сохранять цельность.

В конечном итоге, «современность» эмоционалистов и их стремление повлиять на литературный процесс начала 1920-х годов, по-видимому, вообще не воспринимались современниками как значимые. Уже в 1924 году (напомним, в этом году была предпринята попытка возрождения «Абраксаса», объединение еще существовало, хотя почти не заявляло о себе) Ю. Н. Тынянов в одной из своих рецензий пишет об эмоционалистах как о явлении далекого прошлого: «Теперь это дело седой старины, а ведь еще года два назад даже эмоционалисты, которые заявляли, что лучшее в мире это любовь и какие-то еще более или менее радостные чувства, — даже они, кажется, считались не то школой, не то течением».[2]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Анонс // Корабль (Калуга). 1923. № 1/2. С. 49.
2. Анонс // Красная газета (веч. вып.). 1923. 13 апр.
3. *Аристарх [Сторицын П. И.]* За культуру молодой Германии: (В Институте Истории Искусств) // Последние новости. 1923. № 10 (32). 5 марта. С. 3.

---

[1] Интересно, что такая попытка была предпринята Кузминым в 1924 году, уже после периода наиболее активной деятельности эмоционалистов. В анкете в тогда еще только готовящийся собраться Союз поэтов (анкета от 12 марта) на вопрос «к какому направлению в поэзии вы себя причисляете?» Кузмин отвечает «эмоционализм», а на вопрос «в какой группе или кружке поэтов состоите?» — «эмоционалисты» (см.: К истории машинописных изданий 1920-х годов / Публ. Г. А. Левинтона и А. Б. Устинова // Пятые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения / Отв. ред. М. О. Чудакова. Рига, 1994. С. 203).

[2] *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 169 (впервые: Русский современник. 1924. № 4).

4. *Аристарх [Сторицын П. И.]* Эмоционализм // Последние новости. 1923. № 18 (40). 30 апр. С. 4.
5. *Беленсон А.* Фрагменты // Жизнь искусства. 1923. № 13 (888). 2 апр. С. 3–4.
6. *Богомолов Н. А.* Литературная репутация и эпоха // Богомолов Н. А. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М., 1995. С. 57–66.
7. *Богомолов Н. А., Малмстад Дж. Э.* Михаил Кузмин. М., 2013.
8. *[Б. п.]* Абракадабра и весна // Силуэты (Одесса). 1923. № 3. Январь. С. 8.
9. *Бурдье П.* Поле литературы / Пер. с фр. М. Гронаса // Бурдье П. Социальное пространство: Поля и практики. СПб., 2005. С. 365–473.
10. *Бурдье П.* Производство веры. Вклад в экономику символических благ // Бурдье П. Социальное пространство: Поля и практики. СПб., 2005. С. 178–272.
11. *Бурдье П.* Рынок символической продукции // Вопросы социологии. 1993. № 1 (2). С. 49–62.
12. *Вацуро В. Э.* «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978.
13. *Геркен Е.* Пародии на стихи современных поэтов // Записки передвижного театра П. П. Гайдебурова и Н. Ф. Скарской. Пг., 1923. № 68. 4 дек. С. 4.
14. К истории машинописных изданий 1920-х годов / Публ. Г. А. Левинтона и А. Б. Устинова // Пятые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения / Отв. ред. М. О. Чудакова. Рига, 1994.
15. *Книгочий.* [Рец. на:] Абраксас. Ноябрь 1922, Пгр., 26 с. // Записки передвижного театра П. П. Гайдебурова и Н. Ф. Скарской. Пг., 1923. № 47. 23 янв.
16. *Кузмин М. А.* Дневник XII (6 мая 1922 — 5 января 1923) // РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 60.
17. *Кузмин М. А.* Дневник XIII (6 января 1923 — 17 февраля 1924) // РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 61.
18. *Кузмин М., Радлова А., Радлов С., Юркун Ю.* Декларация эмоционализма // Русский экспрессионизм: Теория. Практика. Критика / Сост. В. Н. Терехина. М., 2002. С. 270.
19. *Кузмин М. А.* Эмоциональность и фактура // Кузмин М. А. Проза и эссеистика: В 3 т. / Сост., подг. текстов и комм. Е. Г. Домогацкой, Е. А. Певак. М., 2000. Т. 3: Эссеистика. Критика. С. 623–624.
20. *Кузмин М. и др.* «Приветствие художникам молодой Германии от группы эмоционалистов» // Жизнь искусства. 1923. № 10 (885). 13 марта. С. 8.

21. *Куранда Е. Л.* М. А. Кузмин и его круг в архиве Радловых в ОР РНБ // Михаил Кузмин. Литературная судьба и художественная среда / Под ред. П. В. Дмитриева и А. В. Лаврова. СПб., 2015. С. 226–270.
22. *Морев Г. А.* Казус Кузмина // Кузмин М. Дневник 1934 года / Ред., вступ. ст. и прим. Г. А. Морева. СПб., 2011. С. 15.
23. *Никольская Т. Л.* Эмоционалисты // Russian Literature. 1986. Т. 20. № 1. С. 61–70.
24. Новые книги и журналы // Жизнь искусства. 1923. № 30 (903). 31 июля. С. 28.
25. *Оксенов И.* Литературный дневник. 2. «Абраксас» // Литературная неделя: Приложение к газете «Петроградская правда». 1922. № 24. С. 7.
26. *Пиотровский А.* [Рец. на:] Абраксас. Сборник 1-й. Петербург, 1922 г. // Жизнь искусства. 1922. № 47 (870). 28 нояб. С. 7.
27. *Пиотровский А. И.* Театр. Кино. Жизнь / Сост. и подг. текста А. А. Акимовой, общ. ред. Е. С. Добина, вступ. ст. С. Л. Цимбала, прим. Т. Ф. Селезневой и А. Я. Трабского. Л., 1969.
28. *Розанов И. Н.* Литературные репутации: Работы разных лет. М., 1990.
29. Русский экспрессионизм: Теория. Практика. Критика / Сост. В. Н. Терехина. М., 2002.
30. *Сторицын П.* «Эуген Несчастный» (б. Михайловский театр) // Последние новости. 1923. № 54 (76). 17 дек. С. 4.
31. *Тимофеев А. Г.* Вокруг альманаха «Абраксас» // Русская литература. 1997. № 4. С. 190–205.
32. *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
33. Хроника // Жизнь искусства. 1923. № 49 (922). 11 дек. С. 28.
34. Хроника // Жизнь искусства. 1924. № 23 (997). 3 июня. С. 22.
35. Хроника // Жизнь искусства. 1924. № 37 (1010). 9 сент. С. 32.
36. Хроника // Жизнь искусства. 1925. № 19 (1046). 12 мая. С. 22.
37. *Шатова И. Н.* М. Кузмин и русский эмоционализм 1920-х годов (проблема преодоления кризиса искусства): Дисс. ... канд. филол. наук. Симферополь, 2000.